

Дмитрий ИВАНОВ

ДОРОГИЕ МОИ БАНДИТКИ

Маленькая антикризисная комедия

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЦАРЕВА

СОНЯ

ЛЫТКИНА

КУЗЯ

Действие происходит в наши дни, в обычной городской квартире.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Первая картина

На авансцене в луче света появляется ЦАРЕВА, говорящая по мобильному телефону. Ей около шестидесяти, но выглядит она моложе.

ЦАРЕВА. Алло! Это секс по телефону?.. Я спрашиваю, это секс по телефону?.. Нет? А что? Секс по барабану?.. Вот дура старая, трубку повесила!.. (Набирает номер.) Женщина, что же вы трубочку бросаете? Прямо как не родная... Что?.. А вы догадайтесь с трех раз...

Нет, не Галя... И не Валя... Какой еще Николай Иванович?.. Вы что, женщин от мужчин уже не отличаете?.. Правда? И какая же между ними разница?..

Что такое есть у мужчины, чего у женщин нет?.. Из трех букв... Вообще-то я имела в виду усы. А вы что подумали?.. (Другим тоном.) Совсем ты плохая стала, Кузина! И с чувством юмора у тебя по-прежнему беда. Это я, Царевна! С которой ты, между прочим, за одной партой сидела! Царева, Царева.

Вспомнила теперь?.. Из какой Америки! Я тебе с Арбата звоню... Вернулась, вернулась... Нет, насовсем... Ну, это длинная история. Встретимся, расскажу... Да хоть сегодня... Слушай, Кузя, ты еще девчонок прихвати... Как это каких? наших. Лыткину и Соньку Каплан. Они, кстати, живы еще?.. Вот заодно и увидите. Все! Жду!.. (Отключает мобильник.) Так.. Теперь главное – не испугать их до смерти. Еще в обморок попадают. Пенсионерки как-никак... Только бы не решили, что я свихнулась. А то еще упрячут в психушку... Да нет, все будет хорошо. Или я ничего в людях не понимаю... (Задумывается. Звонок в дверь заставляет ее вздрогнуть. Она смотрит на часы.) Неужели уже прискакали? Ведь часа не прошло! А все жалуются, что из-за пробок нигде проехать нельзя!..

(Зажигается свет, освещая комнату с хорошо сохранившейся обстановкой 80-х годов прошлого века. Царева входит, ведя за собой трех женщин пенсионного возраста: ЛЫТКИНУ, СОНЮ и КУЗЮ.)

ЦАРЕВА. Входите, входите, девчонки! Дайте вас рассмотреть... Фантастика! На улице бы встретила, никого бы не узнала... Подождите... Ты Соня.

Соня Каплан, да? Или сменила фамилию?

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! С какой стати? По мужу я была бы Рабинович. Их и так полным-полно. А Каплан это звучит, согласись.

ЦАРЕВА. Еще как!.. Здравствуй, Сонечка! (Обнимает ее.) А это кто? Неужели Кузина?

ЛЫТКИНА. Кончай прикалываться. Правда, не узнаешь? Я Лыткина.

ЦАРЕВА. Лыткина!.. (Обнимает ее.) А где же Кузина?

КУЗЯ. Это я, наверно... Больше никого не осталось.

ЦАРЕВА. Кузечка!.. (Обнимает ее.) Не обижайся. Шучу. Такое настроение сегодня.

ЛЫТКИНА. Тебя тоже не сразу узнаешь. Видно в Америке силикона себе во всем места напихала.

ЦАРЕВА. А вот и нет. И никаких подтяжек не делала. Не было необходимости.

КУЗЯ. Значит, на диете какой-нибудь заграничной сидишь. Дашь записать? А то я уже ни в одну юбку не влезаю.

СОНЯ. Ой, я вас умоляю, девочки! Мы же сто лет не виделись! Неужели нет других тем для разговора?

ЦАРЕВА. Действительно!.. Ну, садитесь, рассказывайте. Как вы тут, девчонки?

СОНЯ. Ты давай о себе сначала. Что тебя заставило из Америки домой вернуться? Климат или климакс?

ЦАРЕВА. А ты, я смотрю, все такая же юмористка, Каплан. На эстраде выступать не пробовала?

СОНЯ. Я с детства стеснительная. А у нас теперь только такой юмор в цене, который ниже пояса. Все части тела своими именами называют. И самое мягкое у них – жопа.

ЛЫТКИНА. Жопа у всех самое мягкое. Поэтому там целлюлит в первую очередь появляется.

КУЗЯ. А у тебя тоже с этим проблемы?

СОНЯ. Опять вы о своем!.. Дайте хоть Царевне на вопрос ответить!

ЦАРЕВА. А какой вопрос был?

СОНЯ. Почему ты вернулась? Тоска по родине замучила?

ЦАРЕВА. Да просто не сложилось у меня в Штатах. Столько времени впустую потеряла!

КУЗЯ. А все тебе так завидовали, когда ты за американца выскочила.

ЦАРЕВА. Ты вспомни, Кузя, какие времена были! Нам тогда каждый занюханный американец миллионером казался. Вот я на этом и прокололась. Я ведь после школы, девчонки, чего только не перепробовала. И манекенщицей была, и стюардессой, и стриптизершей, и с секретуткой работала у одного маньяка.

ЛЫТКИНА. Сексуального?

ЦАРЕВА. Если бы! Он на трудовой дисциплине был помешан.

СОНЯ. Кошмар!.. Мы-то все думали, что ты артисткой станешь. С твоими-то данными.

ЦАРЕВА. Да у них там все наоборот. Если страшненькая – значит талантливая. А если ничего себе – только для постели годишься.

ЛЫТКИНА. Так и вышла бы замуж.

ЦАРЕВА. Ты что, мужиков не знаешь? Они же спят с одними, а женятся совсем на других!.. Короче, клюнула я на этого Джека. Он мне тут такую жизнь обещал: умереть, уснуть! А оказалось, что он живет чуть ли не коробке из-под телевизора.

ЛЫТКИНА. Отстой!

ЦАРЕВА. А бизнес у него – вообще конец света! Шофер мусорной машины.

ЛЫТКИНА. Вот козел!

ЦАРЕВА. Да его и оттуда уволили, когда кризис начался. Вот был бы он беременной негротянкой на одной ноге да еще больной СПИДом, его, может быть, вместо Барака Обамы президентом выбрали. Они же там на таких вещах помешанные... В общем лопнуло у меня терпение, и сказала я своему

Джеку: «Гуд бай, май дарлинг. Фак ю!»

СОНЯ. Прямо так и сказала?

ЦАРЕВА. Примерно.

КУЗЯ. А что это значит «фак ю»?

ЛЫТКИНА. Типа – в гробу она видала такую лайф. В гостях хорошо, а дома круче... Ну, а чисто конкретно твой американец какой оказался? Как мужик.

ЦАРЕВА. Никакой. То есть, вообще никакой.

КУЗЯ. Да и у нас через одного та же история.

СОНЯ. Подождите, скоро вообще настоящих мужчин не останется. Заменяют китайскими подделками.

ЦАРЕВА. Ну, ладно. Теперь ваша очередь. Лыткина, к доске!..

ЛЫТКИНА. Ой, только вот этого не надо. Меня школа уже достала по моему не могу.

ЦАРЕВА. Ты же на пенсии давно.

ЛЫТКИНА. Хрен-то меня отпустили. Весь педсовет на коленях стоял. Ведь сейчас с кадрами полная лажа.

СОНЯ. Полная что?

ЛЫТКИНА. Лажа. Учителей не хватает. Особенно по русскому и литературе. Вот я и продолжаю пахать как отравленная.

ЦАРЕВА. А с личной жизнью у тебя что?

ЛЫТКИНА. Это как раз без проблем. У меня ее просто нет.

ЦАРЕВА. Но ведь за эти годы наверняка что-то было? Хотя бы проходящий мужчина. Так сказать, воскресный муж.

ЛЫТКИНА. О чем базар, Царевна? Я с утра до ночи в школе уродуюсь. А там все преподады – сплошное бабье. Один только математик реально другого пола. Но фишка в том, что ему уже все до фонаря. Восемьдесят недавно разменял. Его хоть одной «виагрой» корми, все равно без толку.

КУЗЯ. Ты что, пробовала?

ЛЫТКИНА. Щаз!.. Буду я последние бабки на фуффло тратить, как же!

ЦАРЕВА. Слушай, Лыткина, а что это ты на каком-то идиотском языке говоришь? Фишка, бабки, фуфло...

СОНЯ. Действительно. Я половины не понимаю. Где ты этого мусора набралась?

ЛЫТКИНА. У своих учеников, у кого же еще. Они меня иначе не понимают. Просекаешь?

СОНЯ. Кошмар!

ЛЫТКИНА. Нет, ништяк. Я уже в их тусовую феню въехала. Базарим на уроках без напряжения.

СОНЯ. Боже мой! А как же литература? Она ведь вся написана нормальным русским языком. С этим-то как?

ЛЫТКИНА. Влегкую. Не бэ! Вот на той неделе сочинение писали «Образы Онегина и Ленского в поэме Пушкина «Евгений Онегин». Моим обормотам, конечно, Пушкина читать запаadlo. Они в Интернете краткое содержание нашли. А написали примерно так. «В деревне Онегин с бодуна стал бить клинья под Ольгу. Просто для прикола. А этот лох Ленский не врубился в тему, повелся на туфту и начал возникать. Короче, забили они стрелку, хоть и считались дружбанами. Онегин был крутой перец и замочил Ленского как нечего делать. Потом, конечно, его колбасило не по-детски, но поезд уже ушел». Ну, как? Клёво?

СОНЯ. Бедный Пушкин! Он, наверно, сто раз в гробу перевернулся.

ЛЫТКИНА. Не он один. Гоголь тоже. И Лев Толстой, и Чехов. Все они уже устали в гробу вертеться. А что поделаешь?

ЦАРЕВА. Сонька, а ты по-прежнему участковым врачом трудишься?

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Как вышла на пенсию, только меня в поликлинике и видели! Я тут на досуге подсчитала, сколько километров прошла, таскаясь по больным. Получилось – почти до Луны. А запасных ног участковым врачам не выдают.

КУЗЯ. Пенсия у тебя хоть нормальная?

СОНЯ. Как тебе сказать, Кузя? На приличные похороны, пожалуй, не хва-

тит.

КУЗЯ. Но муж-то, слава богу, хорошо зарабатывает. Он ведь у тебя нейрохирург, кажется?

СОНЯ. Увы, Ефима Рабиновича больше нет.

ЛЫТКИНА. Неужели лапты склеил?

СОНЯ. В смысле, умер? Нет, нет, он жив. Просто ушел.

ЦАРЕВА. Тоже на пенсию?

СОНЯ. Нет, от меня. К своей молодой сестричке.

КУЗЯ. Как это? Он что, со своей сестрой живет?

СОНЯ. Не с родной. С медицинской.

КУЗЯ. А, ну это еще куда ни шло.

ЛЫТКИНА. Все равно козел!..

КУЗЯ. А что же ты к дочери в Израиль не уехала?

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Там же кругом одни евреи! С ними с ума сойдешь! Оно мне надо?..

ЦАРЕВА. Что я слышу? Софья Марковна Каплан стала антисемиткой!

СОНЯ. Еще не хватало! Просто мне жить в многонациональной стране как-то интереснее и веселее. Тем более, что меня давно уже перестали спрашивать, не моя ли бабушка стреляла в Ленина. И еще говорить мне, что если бы она тогда получше прицелилась, мы сейчас жили бы совсем по-другому. Например, как в Швейцарии. А что Израиль?.. Помнишь старый анекдот, как встречаются два корабля? Один из России в Израиль, другой – обратно. И на одном и на другом стоят на борту евреи и делают друг другу вот так...

(Крутит пальцем у виска. Царева и Лыткина смеются.)

СОНЯ. Не зря говорят, что хорошо там, где нас нет. Вернее, так только кажется. Значит, никуда ездить не надо.

(Кузя неожиданно начинает смеяться.)

КУЗЯ. А-а, дошло!..

ЦАРЕВА. Ты про что, Кузя?

КУЗЯ. Про это. (Крутит пальцем у виска.)

ЛЫТКИНА. Ну, Кузя в своем репертуаре!.. Так, значит, ты, Сонька, с медициной завязала? А как же клятва этого вашего... гиппопотама?

СОНЯ. Во-первых, не гиппопотама, а Гиппократ. Как ты только детей учишь! А во-вторых, Гиппократ говорил, что врач должен прежде всего лечить словом. Вот это я теперь и делаю.

ЦАРЕВА. Зубы людям заговариваешь?

СОНЯ. Нет, я им на картах гадаю.

ЛЫТКИНА. Полный отпад! Где же ты научилась?

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Надо просто говорить людям приятное. Они за этим и приходят.

ЛЫТКИНА. Так ты им лапшу на уши вешаешь?

СОНЯ. Никакой лапши! Я дарю им надежду. Что муж на днях пить бросит, что сына в армию не заберут, что дочь перестанет спать с кем попало. Женихов обещаю красивых как Леонардо ди Каприо и богатых как Абрамович. От желающих отбоя нет. Особенно сейчас. В связи с кризисом.

ЛЫТКИНА. Неужели ты им пургу гонишь, что кризис скоро кончится?

СОНЯ. Ты меня, Лыткина, с президентом не путай. Я прогнозы даю только по личным вопросам.

ЦАРЕВА. И тебе верят?

СОНЯ. Представь себе. И уходят почти счастливыми. Гадать, девочки, это вам не диагнозы больным ставить, от которых им только хуже становится. Ах, у вас бессонница? Примите снотворное. Уснуть все равно не уснете, но, по крайней мере, вам будет, чем заняться.

(Царева и Лыткина смеются.)

ЦАРЕВА. Нет, тебе точно давно на эстраду пора.

ЛЫТКИНА. Или в телевизор. Жванецкий бы с Галкиным отдыхали!

(Кузя неожиданно начинает смеяться. Все удивленно смотрят на нее.)

КУЗЯ. Дошло!.. Про слабительное!..

ЦАРЕВА. Уймись, Кузя!.. Теперь твоя очередь. Рассказывай, как жила все

эти годы.

КУЗЯ. Не знаю, с чего и начать. С беременности?

ЦАРЕВА. Это уж на твой вкус. А почему именно с беременности?

КУЗЯ. А с чего же еще?.. Дело в том, что я в ЗАГС уже на седьмом месяце пришла. А там пошло-поехало. После Ленки Светланка родилась, потом Андруша, за ним Татьяна, а уж после Валя с Галей, двойняшки.

ЦАРЕВА. Прямо как на конвейере! Сколько же у тебя детей, Кузя?

КУЗЯ. Семеро, вроде. Или шестеро?.. Я уж со счета сбилась... Нет, семеро, семеро. Точно.

ЦАРЕВА. Ну, а кроме этого ты чем занималась?

КУЗЯ. Ты сама подумай, было у меня время на другие занятия? Только опомнишься, глядишь – опять в интересном положении.

ЛЫТКИНА. А муж куда смотрел?

КУЗЯ. Известно, куда. (Мечтательно.) Хороший мужик был. Жаль, рано умер.

ЛЫТКИНА. Надорвался, бедняжка?

ЦАРЕВА. Придержи язык, Лыткина!

КУЗЯ. Да нет, ничего. Я свое давно отплакала.

ЦАРЕВА. Зато какое богатое наследство тебе муж оставил! Я детей имею в виду. Они же тебя не забывают?

ЛЫТКИНА. Не имей сто рублей, а имей сто детей!

КУЗЯ. Я ни у кого у них ни копейки не взяла, если вы об этом. Ни разу. До сих пор обижаются. А мне моей пенсии выше крыши. Если, конечно, колбасу каждую неделю не покупать. А они в расцвете лет. Им всего хочется.

ЦАРЕВА. Кузя, а ты подозреваешь, что на свете есть другие страны?

КУЗЯ. Подозреваю. Ну и что?

ЦАРЕВА. Могли бы твои дети хотя бы в турпоездку тебя отправить. Мир бы посмотрела на старости лет. Людей разных.

КУЗЯ. А у меня для этого телевизор есть. Там тебе каких хочешь людей покажут: и черных, и желтых, и голубых.

ЛЫТКИНА. Да уж, голубых в телевизоре как собак нерезанных!

КУЗЯ. И потом мне из дома надолго уезжать нельзя.

СОНЯ. Это почему?

КУЗЯ. У меня же каждый день по пять сериалов на руках! Я и так в них запутаться боюсь. А если несколько серий пропущу, как же мне дальше-то жить?

ЛЫТКИНА. Значит, и ты на сериалы подседа? Это же такая байда. Хуже наркоты.

КУЗЯ. А я на сериалах отдыхаю. А то по телевизору все время такие ужа-сы показывают, что из дома выйти боязно. Вдруг тебя тоже заказали? Или киллер по ошибке шлепнет. У них же работа нервная.

ЦАРЕВА. Ну, хватит о грустном!..

(Пауза.)

СОНЯ. А знаете, девочки, все мы большие свиньи. Ведь как дружили в школе, а увиделись через сто лет. Вы только вспомните, сколько всего нам вместе пережить пришлось, какие были времена! Сейчас и поверить невозможно, что, например, девочек в брюках на уроки не пускали. Отчислить могли. За простые штаны!

ЦАРЕВА. А ведь правда! Сама директриса на входе стояла.

ЛЫТКИНА. А как мы тогда все от «битлов» тащились! Это ж полный улет был!

КУЗЯ(Царевой). А как ты первый раз в мини пришла? Завуч как завопит: «Царева, ты юбку дома забыла!»

ЦАРЕВА. А как мы твист под «Черного кота» выдавали? (Поет.) «Жил да был черный кот за углом...»

СОНЯ. А сапоги-чулки? Это же мечта всей жизни была! Я, помню, надеть-то их надела, а потом три дня снять не могла. Так в них и спала, пока с меня всей семьей их не стащили!

КУЗЯ. А помните, как мы все самодельные джинсы в кастрюлях вывари-вали, чтобы они были похожи на настоящие фирменные?

ЛЫТКИНА. А то! Меня мамаша застучала на кухне и решила, что я суп варю. Даже попробовать успела и говорит: «Оригинально. Только недосолено!»

ЦАРЕВА. Все это, конечно, очень трогательно, но неужели нам осталось жить только одними воспоминаниями?

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! А что еще делать на пенсии?

ЦАРЕВА. Это мы так привыкли, что на пенсию вышла – все, туши свет. А на проклятом западе с этого момента настоящая жизнь только начинается. Видели их старушек? Ухоженные, стройненькие. Макияж, причесочка, шмотки от Кардена. У нас в восемнадцать лет не каждая так выглядит. По всему миру катаются: то на сафари в Кению, то на карнавал в Рио-де-Жанейро, то на шопинг в Париж!

КУЗЯ. Мы бы тоже не отказались. Только на какие шиши? Вон, плату за коммунальные услуги такую сделали, что на электричку до дачи не хватает, не то что до Парижа.

ЦАРЕВА. А были бы деньги, поехали бы?

ЛЫТКИНА. Сто пудов! Да я бы личного визажиста завела. Фитинес бы реально освоила, губы конкретно себе ботексом бы надула. Все бы мое было от шейпинга до шопинга! Такой бы куколкой стала – смерть мужикам! Тогда и в Париж не запахло!

ЦАРЕВА. А сколько тебе денег нужно для полного счастья?

ЛЫТКИНА. Мне?.. Сейчас... Нет, не знаю... Миллион!

ЦАРЕВА. Всего-то?

ЛЫТКИНА. В евро. Не в наших деревянных.

ЦАРЕВА. Так, запомним... Ну, а ты, Соня, назови свою цифру.

СОНЯ. Я лучше на бумажке напишу. (Пишет.)

ЦАРЕВА (взяв бумажку). Соня, у тебя что с головой? Это же больше восьми миллиардов!

СОНЯ. Успокойся. Я тебе просто номер моего мобильного написала.

ЦАРЕВА. Тоже мне, юмористка! Петросян в юбке! А денег-то ты сколько

хочешь?

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Даже обсуждать такие глупости не буду.

ЦАРЕВА. Кузя, а тебе сколько надо для полного счастья?

КУЗЯ. Да мне бы для начала рублей пятьсот.

ЦАРЕВА. Сколько?..

КУЗЯ. Ну, пятьсот пятьдесят. Занавески новые на кухню купить. Который год собираюсь.

ЦАРЕВА. Ну, я вами все ясно, подруги... А если бы появился шанс разбогатеть? По-настоящему. Причем за один день. Неужели отказались бы?

КУЗЯ. Это каким же образом?

ЦАРЕВ. Элементарным. Надо просто...

ЛЫТКИНА. Что? Не тяни!

ЦАРЕВА. Просто ограбить банк.

(Пауза. Подруги ошарашено переглядываются.)

СОНЯ. Ой, и правда. Как это мы, дуры, раньше не догадались?

ЦАРЕВА. Побереги свою иронию, Каплан. Я совершенно серьезно говорю.

ЛЫТКИНА. Кончай прикалываться, Царевна.

ЦАРЕВА. Вы думаете, зачем я вас собрала? Для сентиментальных воспоминаний? Мы этим потом займемся, когда банк возьмем.

ЛЫТКИНА. Царевна, сливай кипяток!

ЦАРЕВА. Я уже месяц тут живу и поняла, что из нищеты иначе не вырваться. В одиночку банк не возьмешь, а вчетвером может получиться. И все проблемы решены. Какие там занавески на кухню? Унитазы себе поставим из чистого золота! И вообще начнется не жизнь, а сплошной праздник! Разве мы этого не заслужили?

(Долгая пауза.)

СОНЯ. Царевна, у меня очень хороший психотерапевт есть. Просто волшебник. Могу прямо сейчас позвонить.

ЦАРЕВА. Я в полном порядке. Это у вас у всех крыша давно съехала, раз

не хотите использовать такой шанс!

КУЗЯ. Ты что, в своей Америке гангстершей стала?

ЛЫТКИНА. Да она просто нас разводит как последних лохушек!

ЦАРЕВА. Дура ты, Лыткина! Я тебе спасательный круг бросаю, а ты его отталкиваешь. Ну и пускай пузыри! Откажетесь, я в одиночку рискну. Для меня это дело решенное.

ЛЫТКИНА. Зашибец! Девчонки, она ведь и правда грабить банк пойдет. Она же всегда была упертая. Вы же знаете, если что решит, прет как бульдозер. А потом будет нам письма с Колымы писать. И мы же виноваты будем, что с ней не пошли.

ЦАРЕВА. Ладно, считайте, что это была неудачная шутка. Короче, все свободны!..

(Отворачивается к окну. Остальные за ее спиной разыгрывают целую пантомиму, смысл которой – остановить ненормальную подругу.)

СОНЯ. Ну, хорошо, хорошо, Царевна. Ты объясни толком, как тебе видится вся эта афера.

ЦАРЕВА. Ты что, в кино никогда не видела, как банки грабят? Это же проще пареной репы. Входишь в банк, кладешь всех на пол и объявляешь, что это ограбление. Тебе открывают сейфы. Берешь, сколько можешь унести, садишься в машину. И все.

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Давай по порядку. Представь себе, входят четыре пожилых тетки и орут: «Лечь на пол! Это ограбление!» Да там же все от смеха описаются.

ЦАРЕВА. Возможно, кто-то и описается. Только не от смеха, а от страха.

СОНЯ. Мы, может быть, не первые красавицы, но уж не такие уродины, чтобы от одного нашего вида люди в обморок падали.

ЦАРЕВА. Так мы же в черных колготках будем.

СОНЯ. Ты думаешь, это всех так испугает?

ЦАРЕВА. Сто процентов. Ведь мы колготки на головы наденем.

КУЗЯ. На голову?.. Зачем?..

ЦАРЕВА. Вместо масок. Любой испугается. А если еще пистолетом пригрозить...

КУЗЯ. Господи!..

ЛЫТКИНА. А стволы-то мы где возьмем?

ЦАРЕВА. Как это где? В «Детском мире». Я уже присмотрела подходящие. И недорого.

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Все же увидят, что они игрушечные.

ЦАРЕВА. Да никто это со страху не поймет.

СОНЯ. Ну, допустим. Допустим, нам даже сейфы откроют. А в чем мы деньги унесем?

ЦАРЕВА. Тоже мне, проблема! Прихватим хозяйственные сумки побольше. Ну, такие, с какими наши туристы в дальнее зарубежье за ширпотребом ездят. В них слона запихнуть можно.

КУЗЯ. А не надорвемся?

ЦАРЕВА. Своя ноша не тянет. Нам ведь только до машины их дотащить.

ЛЫТКИНА. А тачка откуда нарисуеться? У нас нет.

ЦАРЕВА. Так у меня же «Запорожец» в ракушке гниет. Первый любовник подарил когда-то. Не знаю, правда, не сдох ли еще.

КУЗЯ. Любовник?

ЦАРЕВА. «Запорожец». К нему двадцать лет никто не подходил. Но я мастера найду, чтобы он его реанимировал.

ЛЫТКИНА. На своей тачке – это не в дугу. Номер могут запомнить.

ЦАРЕВА. Мы ее потом на улице бросим. А я заявление об угоне напишу... Видите, девчонки, у меня все продумано. И даю гарантию, что нас не найдут. Во-первых, никто не поверит, что банк взяли четыре пенсионерки. Во-вторых, нас из-за колготок никто не сможет описать. Но я вам главного не сказала – какой банк мы ограбим. «Фортуна-банк». А чей он, знаете? Витьки Шептунова!

СОНЯ. Как Витьки?.. Этот двоечник банкиром стал?

ЦАРЕВА. А для этого не надо отличником быть. Достаточно хитрости,

наглости и отсутствия совести. А этим Шептунов всегда славился.

ЛЫТКИНА. Витька! Да это же козел из козлов! Ябеда, врун сплетник!

СОНЯ. Да уж, надо отдать ему должное, редкостный мерзавец. Натерпелись мы от него в школе. Ведь ни одной девчонки не было, к кому бы он под юбку не полез. И как умел подкатиться, подлец! Даже я с ним целовалась. По дурусти чуть девственность свою ему не подарила.

ЛЫТКИНА. Не ты одна. Меня он тоже со страшной силой клеил. После тебя. Да и Кузю.

КУЗЯ. Еще как! Спасибо, Царевна выручила. На себя его взяла.

ЦАРЕВА. Надо же было спасать подругу. Но я-то ему быстро охоту отбила.

СОНЯ. А как, кстати? Ты же не рассказывала.

ЦАРЕВА. Ну, это вообще была комедия. Я его к себе зазвала, когда родители на дачу уехали. Создала дома интимную обстановочку: свечку зажгла, магнитофон играет, на журнальном столике портвейн «Три семерки». Он уже, естественно, губу раскатал, щупать меня полез. А я ему говорю: «Ты, Шептунов, пока раздевайся, а я на минутку в ванную». Там халат накинула, подождала немного, а потом дверью хлопнула и вбегаю в спальню, где он уже разлегся и ждет. «Шептунов, - кричу, - родители с дачи вернулись! Давай на балкон!» Он, как был, на балкон выскочил, а я шторы задернула. Так он там и прокуковал до утра. А под утро соседка на свой балкон вышла и говорит ему: «Молодой человек, ночи уже прохладные. Не простудитесь в одном презервативе?»

ЛЫТКИНА. Так ему и надо, козлу!

ЦАРЕВА. Он меня потом за километр обходил... Не знаю, как вы, девчонки, а мне этого Шептунова ограбить не жалко. Он денежек наверняка наворовал, в те времена, когда каждый хватал все, что плохо лежало. Одного-двух посадили, а остальные, вроде Шептунова, до сих пор процветают.

ЛЫТКИНА. Ты бы сразу сказала, что базар о Шептунове. Это же совсем другое дело!

КУЗЯ. Он-то, небось, не обеднеет. А мы хоть вострепнемся на закате жизни!

СОНЯ. Ой, я вас умоляю! Вы так говорите, будто уже согласились на грабеж.

ЦАРЕВА. А разве нет?..

Вторая картина.

Та же комната. Царева критическим взглядом осматривает подруг, выстроившихся перед ней в черных колготках на головах.

СОНЯ. Ну, как? Страшно?

ЦАРЕВА. Знаете, девчонки, на кого вы сейчас похожи? На погоревших зайцев!.. Снимайте колготки. Уши надо отрезать.

ЛЫТКИНА. И дырки для глаз сделать. А то не видно ни черта.

КУЗЯ. Ой, девочки! Их же потом нельзя будет носить!.. Хотя, если заштопать...

ЦАРЕВА. Кузя! Ты скоро целый вагон колготок сможешь купить!.. Так, давайте еще раз повторим, кто что делает. Я беру на прицел охранника у входа. Соня?

СОНЯ. Я заклеиваю ему рот пластырем.

ЦАРЕВА. Правильно. Только смотри, чтобы не задохнулся. Вдруг у него насморк?

СОНЯ. Я спрошу.

ЦАРЕВА. Некогда будет. На глаз определишь. Ты же врач. Ты что делаешь, Кузя?

КУЗЯ. Переворачиваю табличку на дверях той стороной, где написано «закрито».

ЦАРЕВА. Задача, конечно, не каждой по плечу, но, надеюсь, ты справишься.

КУЗЯ. Я постараюсь.

ЦАРЕВА. Не перепутай. Так, входим в зал. Размахиваем пистолетами.

Твои действия, Лыткина?

ЛЫТКИНА. Приказываю всем лечь.

ЦАРЕВА. Покажи, как.

ЛЫТКИНА. Легко!.. А ну-ка быстренько ложитесь на пол!

ЦАРЕВА. Кто так приказывает, Лыткина? И главное забыла сказать.

ЛЫТКИНА. Что?

ЦАРЕВА. Что это ограбление, дурища! Иначе люди нас могут не понять. Давай еще раз. И поглубже можешь?

ЛЫТКИНА. Аск!.. (Истошно орет.) На пол, суки рваные! Или всех замочим! Это вам, блин, не фуффло! Это ограбление!.. (Обычным тоном.) Так подойдет?

ЦАРЕВА. Длинновато, но уже лучше.

ЛЫТКИНА. Я еще матом добавить могу.

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю, Лыткина! Пожалуйста, без мата. Что о нас подумают?

ЦАРЕВНА. Так, все лежат. Я требую открыть сейфы. Соня?.. Соня, очнись!

СОНЯ. Я вообще-то должна всех на мушке держать, пока вы будете деньги по сумкам распихивать.

ЦАРЕВА. Ну, и какие проблемы?

СОНЯ. Боюсь, не смогу.

ЦАРЕВНА. Здрасьте! Это же самое легкое.

СОНЯ. Ты понимаешь, пистолеты у нас игрушечные, и мы не профессиональные налетчицы, а четыре сбрендивших тетки. Значит, все это обман. А я в жизни никого не обманывала.

ЦАРЕВА. Но ограбление-то будет самое настоящее, Соня! Без обмана. Так что совесть твоя останется чиста!

ЛЫТКИНА. Сто пудов!

КУЗЯ. Конечно!

СОНЯ. Да, наверное, вы правы... Ведь чистая совесть дороже всяких де-

нег, правда?

ЦАРЕВА. Ну, все, девчонки. Пора выезжать.

ЛЫТКИНА. А тачка-то у тебя на ходу?

ЦАРЕВА. Мастер обещал, что пару километров протянет. А нам больше и не надо! Ну, с богом!..

КУЗЯ. Подождите, девочки! Мы же о самом главном не договорились.

ЦАРЕВА. О чем?

КУЗЯ. Если нас поймают, давайте в одну камеру попросимся, ладно?..

Третья картина

Та же комната. ЦАРЕВА, СОНЯ, ЛЫТКИНА и КУЗЯ в черных колготках на головах, задыхаясь, втаскивают большие хозяйственные сумки, набитые деньгами, и обессилено садятся на пол. Пауза.

ЦАРЕВА. Ну, вот и все! А вы боялись... Ой, что же мы, старые коровы, колготки забыли снять?

(Все торопливо освобождаются от колготок.)

ЛЫТКИНА. Ништяк. Уже стемнело.

СОНЯ. В крайнем случае, нас могли за негритянок на улице принять. За студенток из института Патриса Лумумбы.

КУЗЯ. Хорошо, что нам скинхеды по дороге не встретились. Вполне могли изнасиловать.

ЛЫТКИНА. Размечталась!..

СОНЯ. Девочки, кому валидол?

ЛЫТКИНА. Мне.

КУЗЯ. И мне.

ЦАРЕВА. Мне тоже.

(Подруги берут у Сони таблетки, глотают их.)

КУЗЯ. Нет, но люди-то, люди! Легли на пол, и даже не пикнул никто.

ЛЫТКИНА. Наше воспитание, блин! Приказали лежать, значит надо лежать.

СОНЯ. А ты, Лыткина, все-таки от мата не удержалась. Просили же тебя как человека!

ЛЫТКИНА. Как-то само вырвалось.

СОНЯ. Я чуть со стыда не сгорела!..

(Пауза.)

ЦАРЕВА. А все-таки мы это сделали! Сделали!..

ЛЫТКИНА. Сколько же нам захватить удалось?

ЦАРЕВА. Килограммов по двадцать на каждую.

ЛЫТКИНА. Блин! Жалко, что рублями!

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю, Лыткина! Возьми себя в руки!

КУЗЯ. Дожили. Уже деньги на килограммы считаем.

ЦАРЕВА. Радуйся, Кузя!

КУЗЯ. Не могу. Меня до сих пор трясет. Рожать в первый раз и то не так страшно было.

СОНЯ. Поверить не могу, что это у нас получилось. Я ведь все себя уговаривала, что мне это снится.

ЦАРЕВА. Начнем добычу считать, сразу проснешься.

КУЗЯ. А знаете, девочки, я всю жизнь мечтала, что встретится мне однажды добрая фея и подарит сто тысяч долларов.

ЛЫТКИНА. А почему уж тогда не миллион?

КУЗЯ. Нет, ты что! Миллион – это нереально.

(Все, кроме Кузи, смеются.)

КУЗЯ. Что я такого сказала?

ЦАРЕВА. Не бери в голову. Это чисто нервное... Ой, мне же в милицию позвонить надо! (Достает мобильник.) Алло! Милиция? Я хочу сделать заявление об угоне машины... Царева. Наталья Васильевна... Что?.. «Запорожец»... Что тут смешного?.. А при чем тут возраст, товарищ? Ну, около... Около сорока пяти... Что значит «не может быть»? Вы же меня не видели... Ну, хорошо, хорошо. Чуть-чуть за шестьдесят... Ах, вы про «Запорожец» спрашиваете? Он немножко помоложе... Хорошо, я вам завтра письменное за-

явление принесу. Только вы там у себя пометьте, что я уже про угон звонила... Почему это не надеяться?.. Вы что, только «Мерседесы» ищете?.. А мне этот «Запорожец» дороже любой иномарки. Это память о любимом!.. Ну, понятно. До свиданья!.. (Отключает мобильник.) С ними все ясно! Пальцем не шевельнут. Ну и плевать. Главное, что я об угоне заявила.

СОНЯ. «Запорожец» они искать не будут. А вот нас наверняка уже ищут.

ЦАРЕВА. Ну и что? Давайте-ка, девчонки, отвлечемся, посчитаем, сколько мы взяли. Интересно же!

ЛЫТКИНА. А то!

(Подруги открывают одну из сумок и начинают считать.)

КУЗЯ. Мама дорогая! Я столько денег сразу даже ни в одном сериале не видела!

ЦАРЕВА. Помолчи! Со счета сбиваешь!

(Подруги продолжают считать.)

ЛЫТКИНА(мечтательно). Теперь можно будет реально себе домик не хилый на Рублевке отгрохать. А на новоселье Мадонну пригласить, как они там делают. Пусть чисто конкретно для нас попоет!

СОНЯ. Я тебя умоляю! Какая Рублевка? Уж лучше в Монако особнячок присмотреть. Это же фантастика – жить в княжестве.

ЦАРЕВА. А может, остров в Тихом океане купим? И чтобы местные папуасы нам прислуживали.

ЛЫТКИНА. И обязательно яхту. Белую.

КУЗЯ. Ой, яхту не надо!

ЦАРЕВА. Почему?

КУЗЯ. У меня морская болезнь.

ЛЫТКИНА. Не бэ! Сонька вылечит. И личный самолет надо забахать.

КУЗЯ. Ой, только не самолет! Я высоты боюсь.

ЛЫТКИНА. Ну, с тобой, Кузя, каши не сварить!

КУЗЯ. Я виновата, что ли?

ЦАРЕВА. Не ссорьтесь, девочки! Каждый себе купит, что захочет. Хоть

мужика стоящего.

ЛЫТКИНА. Сколько стоящего?

ЦАРЕВА. Какая разница! С такими деньгами от женихов отбоя не будет. И плевать, что мы пенсионерки! Таких пластических хирургов найдем, что потом хоть в Голливуд. Меха натуральных накупим. Бриллиантами обвешаемся с головы до ног как новогодние елки. Чтобы мы шли, а мужики штабелями падали. Штабелями!

КУЗЯ. Так это что же получается? Я ведь так и за квартиру могу заплатить на год вперед. Или даже на два.

ЛЫТКИНА. Да на кой теперь тебе твоя однокомнатная «хрущевка»?

КУЗЯ. Не скажи. Я же ее сдать могу каким-нибудь гастарбайтерам. Таджикской семье, например.

ЦАРЕВА. Да тихо вы! Опять я со счета сбилась! Снова придется начинать... Никогда не думала, что деньги считать такое занудство! Вся радость куда-то уходит... Эх!..

(Царева подбрасывает в воздух пачку денег. Купюры летят в разные стороны. Остальные на мгновение цепенеют, а потом со счастливым смехом тоже начинают подбрасывать деньги в воздух.)

ЛЫТКИНА. Гуляй, рванина!..

(Царева, швыряя деньги, пускается в пляс.)

ЦАРЕВА. Эх, ансамбль пенсии и пляски!.. (Поет.)

Заботится сердце, сердце волнуется.

Почтовый пакуется груз!..

(Подруги присоединяются к танцу.)

ВСЕ (поют). Мой адрес не дом и не улица,

Мой адрес – Советский союз!..

(Они повторяют эти строчки, пока не гаснет свет.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Четвертая картина

Посреди комнаты возвышается огромная картонная коробка. Рядом с винюватым видом стоит КУЗЯ и изумленная ЦАРЕВА.

ЦАРЕВА. Кузя, это что еще за гроб?

КУЗЯ. Это не гроб.. Это домашний кинотеатр.

ЦАРЕВА. Кинотеатр?..

КУЗЯ. Ты не пугайся. Он только так называется – кинотеатр. А на самом деле просто телевизор. Только большой... Я всю жизнь о таком мечтала.

ЦАРЕВА. А что он тут делает?

КУЗЯ. Стоит.

ЦАРЕВА. Я вижу, что стоит. Откуда он взялся?

КУЗЯ. Понимаешь, он в моей конуре не помещается. Я его потом заберу.

ЦАРЕВА. Подожди... Ты его купила, что ли?

КУЗЯ. Не удержалась. Извини... Но ведь это не из общих денег. Я ведь из

своей доли взяла.

ЦАРЕВА. Кузя, у тебя хоть одна извилина осталась или все сериалами стерло? Ты же могла этой дурацкой покупкой нас засветить!

КУЗЯ. Как это?..

ЦАРЕВА. Да очень просто. Ведь всем известно, что у тебя сроду таких денег не было. И вдруг появились. А если спросят откуда? Как ты объяснишь? Твоя добрая фея подарила? А милиция скажет: «Назовите-ка нам фамилию вашей феи и адресочек ее дайте».

КУЗЯ. Я вас не выдам, Царевна! Чем хочешь, клянусь. Не выдам. Даже под пыткой!

ЦАРЕВНА. Да не корчи ты из себя партизанку на допросе! Зоя Космодемьянская нашлась! К пыткам она готова! Да тебя ребенок вокруг пальца обведет! Сама не заметишь, как всю правду следователю выложишь!.. А Сонька где? Где Лыткина? Тоже по магазинам побежали?

КУЗЯ. Вроде того.

ЦАРЕВА. Что значит «вроде того»? Побежали или нет?

КУЗЯ. Побежали.

ЦАРЕВА. Я же просила подождать, пока я из милиции вернусь! Нечем заняться было? Хоть бы в доме прибрались, полы бы подмели. А то под диваном шестнадцать тысяч валялись.

КУЗЯ. Ну, это мелочь.

ЦАРЕВА. Ах, для тебя уже шестнадцать тысяч мелочь? Быстро ты, Кузя обнаглела!.. Нет, ты мне объясни, почему такая спешка? Деньги руки жгли? Скорей побежали магазины прочесывать?.. Господи, с кем я только связалась!..

(Входит Лыткина в роскошной шубе до пола и замирает в эффектной позе.)

КУЗЯ. Ой, мамочки!..

ЛЫТКИНА. Девчонки, приветик! Как вам такой прикид? Отпадный, правда?

ЦАРЕВА. Это что такое, Лыткина?

ЛЫТКИНА. Сибирский соболь. Круто, да?

КУЗЯ. Ты что, так по улице шла?

ЛЫТКИНА. Еще чего! Я же не трехнутая, чтобы среди лета по городу в шубе рассекать. Я ее в подъезде надела.

ЦАРЕВА. Надо же, умница какая! Сообразила!

ЛЫТКИНА. Я же не в маразме, хотя и пенсионерка.

ЦАРЕВА. А вот насчет маразма я сильно сомневаюсь. Ты в маразме, Лыткина. Причем, в глубоком. Иначе эту шубу за сто километров бы обошла.

ЛЫТКИНА. Да ты не заводись, Царевна. В том бутике шуб навалом. Ничуть не хуже. Хочешь, я с тобой схожу? Там меня наверняка запомнили.

ЦАРЕВА. Вот этого я и боялась.

ЛЫТКИНА. Чего ты боялась? Я что-то не догоняю.

ЦАРЕВА. Молчи уж! Убить тебя мало!

ЛЫТКИНА. Кузя, чего ее так колбасит? Какая муха ее укусила?

КУЗЯ. Да нет тут никаких мух. Просто нам нельзя было дорогих вещей покупать.

ЛЫТКИНА. Это почему же?

КУЗЯ. Потому что мы объяснить не сможем, как это вдруг разбогатели. Про банк ведь не скажешь.

ЛЫТКИНА. Ништяк. Если спросят, задвинем какую-нибудь туфту.

ЦАРЕВА. Какую? Что любовница олигарха соболью шубу в мусоропровод спустила, а ты случайно мимо шла?

ЛЫТКИНА. А что? Прикольно. Чего только в жизни не бывает.

ЦАРЕВА. Лыткина, ты больная что ли?

ЛЫТКИНА. Да ладно тебе выступать! Не все же, кто в шубах ходит, банк ограбили. Чего ты икру раньше времени мечешь?

ЦАРЕВА. Мне, Лыткина, почему-то в тюрьму не хочется. Вот такая я странная, уж извини!..

(Входит сияющая СОНЯ.)

СОНЯ. О чем щебечете, девочки? Кто-то про тюрьму говорил или мне слышалось?

ЦАРЕВА. Стой на месте, Каплан!

СОНЯ. В чем дело?

ЦАРЕВА. Тоже по магазинам шлялась?

СОНЯ. Чуть-чуть. И еще раз убедилась, что шопинг – это не для меня.

КУЗЯ. Почему?

СОНЯ. Все из магазинов с покупками уходят, а я с мигренью.

ЦАРЕВА. Слава богу! Хоть одна нормальная нашлась!

СОНЯ. И в этот раз голова разболелась. Мне только в ювелирном немного полегчало.

ЦАРЕВА. Что?.. В ювелирном?..

СОНЯ. Да, попался какой-то на обратном пути. И представьте себе, как только купила кольцо, сразу голова прошла.

ЦАРЕВА. Колье?.. Покажи!

(Соня демонстрирует сверкающее кольцо у себя на шее. Все невольно прикрывают глаза ладонями.)

ЛЫТКИНА. Блин!.. Зашибись!..

КУЗЯ. Это что? Неужели бриллианты?

СОНЯ. Само собой. А ты думала, это речная галька?

ЦАРЕВА. Ну, все! Нам конец! Теперь уж мы точно сядем!

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю!..

ЦАРЕВА. Не умоляй. Сядем. И надолго. Как вам в голову не пришло, что если мы прямо сейчас начнем шиковать, нас в два счета вычислят! Надо было выждать, пока вся эта история с банком утихнет. Я думала, у вас у самих мозгов хватит. А теперь все! Финиш!..

(Долгая пауза. Все ошеломленно переглядываются.)

СОНЯ. Да, пожалуй... Пожалуй, ты права, Царевна.

ЛЫТКИНА. Что же нам теперь делать?

ЦАРЕВА. Сухари сушить, вот что! Скоро с песней дружными рядами от-

правимся на лесоповал.

ЛЫТКИНА. Отстой!..

КУЗЯ. Ой, девочки! Я не хочу на лесоповал!

ЦАРЕВА. А тебя никто не спросит.

КУЗЯ. Царевна, миленькая! Неужели ничего нельзя исправить?

ЦАРЕВА. Не знаю... Если только все вернуть в магазины.

СОНЯ. Вернуть?

ЦАРЕВА. Да! И немедленно!

ЛЫТКИНА. Я шубу не отдам! Я уже с ней срослась.

ЦАРЕВА. Зачем тебе шуба, Лыткина? Зимы скоро совсем не будет из-за глобального потепления.

СОНЯ. Мне бы тоже хотелось кольцо себе оставить. Я в нем себя чувствую на двадцать лет моложе.

ЦАРЕВА. Куда ты в своих бриллиантах ходить будешь, Соня? На рынок за картошкой? Как городская сумасшедшая?

КУЗЯ. Только мой кинотеатр не трогайте! Лучше убейте!

ЦАРЕВА. Допросишься. Я лично тебе шею сверну!.. Короче, если вам свобода дорога, марш по магазинам! Прямо сейчас. На коленях умоляйте, чтобы ваше барахло назад взяли! А деньги положим обратно и забудем о них на некоторое время. Да, да! Другого пути нет, девчонки!..

(Подруги переглядываются.)

ЛЫТКИНА. Ну что, потащились?

ЦАРЕВА. Да побыстрей, а не нога за ногу! Ни пуха, ни пера!..

ЛЫТКИНА. Иди ты к черту, Царевна!..

Пятая картина

Та же комната только уже без коробки с домашним кинотеатром. Царева насмешливо смотрит на подруг, сидящих с поникшим видом.

ЦАРЕВА. Ну, чем дело, девчонки? Почему такие похоронные рожи?

ЛЫТКИНА. А какие еще должны быть на поминках?

ЦАРЕВА. По своему барахлу поминки справляете?

СОНЯ. Барахло?... Ты когда-нибудь возвращала в магазин бриллиантовое кольцо?

ЛЫТКИНА. А шубу из соболя? С меня как-будто кожу содрали!

КУЗЯ. А мне чего стоило свой кинотеатр отдать? Все глаза на обратном пути выплакала!

ЦАРЕВА. Переживете. Зато все денежки снова у нас. До последнего рубля.

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Их же все равно трогать нельзя.

ЦАРЕВА. Я же объяснила. Это временно.

ЛЫТКИНА. Временно! А рубль-то каждый день, зараза, падает. Сколько за него сегодня дают? Сказать стыдно. А скоро, как говорил классик, за наш рубль вообще будут давать в морду!

(Царева и Соня смеются.)

СОНЯ. Что же ты, Кузя? Можно смеяться. Или опять не дошло?

КУЗЯ. Да ну вас!..

ЦАРЕВА. Это кто же так про рубль сказал, Лыткина?

ЛЫТКИНА. Не помню. Не то Салытков-Щедрин, не то Достоевский.

СОНЯ. Вот какие писатели раньше были! На сто лет вперед все видели.

(Пауза.)

КУЗЯ. Ну, что за жизнь проклятушая! Сидим на такой куче денег и даже занавески на кухню купить нельзя!

ЦАРЕВА. Опять ты, Кузя со своими занавесками!

КУЗЯ. Так обидно же!

СОНЯ. Обидно другое. Что неизвестно на сколько откладывается наша фантастическая жизнь, которую нам Царевна обещала.

ЦАРЕВА. А я и сейчас ее обещаю. Только подождать надо.

КУЗЯ. Пока мы все перемрем? Возраст-то у нас какой, не забыла?

ЛЫТКИНА. Надо пока куда-нибудь эти сумки спрятать, чтобы глаза не мозолили. Может, в лесу зароем?

ЦАРЕВА. Ну, да! А потом, не дай бог, это место не найдем!.. Нет, пусть у меня постоят. Я постерегу. Будет надежней, чем в банке. И нечего брови домиком делать. Как я сказала, так и будет!..(Пауза.) Давайте-ка, девчонки чайку попьем. Я сейчас чайничек взбодрю. Пойдем, Кузя, поможешь?

(Царева и Кузя уходят.)

СОНЯ. Ну и как тебе это нравится, Лыткина?

ЛЫТКИНА. О чем базар?

СОНЯ. О том, что деньги тут останутся. Я ничего такого не хочу сказать, но это странно, согласишься. Почему именно тут? Чем здесь безопаснее, чем у тебя или у меня?

ЛЫТКИНА. Сонька, я что-то не догоняю... Ты думаешь, Царевна может нас кинуть?

СОНЯ. Теоретически все возможно.

ЛЫТКИНА. Сонька, что за байда? Мы же подруги!

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Какая дружба в финансовых вопросах! Я, конечно, могу ошибаться, но сама подумай. Ведь она же столько лет в Америке прожила, где, как известно, человек человеку волк.

ЛЫТКИНА. Это раньше так считалось. При развитии социализме. А теперь, когда наш социализм медным тазом накрылся... Но вообще-то ты права.

СОНЯ. Вот. А тут такое искушение – все четыре сумки себе взять. Святой не удержится.

А мы не святые.

ЛЫТКИНА. Это уж точняк.

СОНЯ. Я ничего не имею в виду, но не хотелось бы в дураках остаться.

ЛЫТКИНА. Так ты что предлагаешь?

СОНЯ. Для начала надо сумки себе забрать. А там видно будет.

ЛЫТКИНА. Царевна ни за что не отдаст. Сто пудов!

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Ее никто и спрашивать не будет.

ЛЫТКИНА. А как же? Я что-то не врубаюсь.

СОНЯ. Элементарно. Например, подсыпать ей в чай клофелина из моей походной аптечки. Она отключится и до утра проспит. И мы все прекрасно успеем.

ЛЫТКИНА. Мы?..

СОНЯ. Мне одной четыре сумки не унести.

ЛЫТКИНА. А потом что будет?

СОНЯ. Если ты боишься, что Царевна в милицию побежит, так нет. Ведь это она нас на ограбление подбила. А мы с тобой ничего ждать не будем. Сразу начнем жить по-настоящему, как мечтали.

ЛЫТКИНА. Зашибись!..

СОНЯ. Именно. Так ты согласна?

ЛЫТКИНА. Даже не знаю... Подожди, а как же Кузя? Ее тоже вырубим?

СОНЯ. А как иначе? Ничего, мы ей потом денег на занавески пришлем.

ЛЫТКИНА. Пришлем? Значит, мы из Москвы ноги сделаем?

СОНЯ. И очень длинные. Чтобы нас никто не нашел. Тс-с!.. Идут!..

(Входят Царева с чайником и Кузя с подносом, на котором стоят чашки. Все усаживаются за стол.)

ЦАРЕВА. Ой, у меня же печенье где-то валялось! Я сейчас. Наливайте пока.

(Кузя разливает чай. Соня кладет в одну из чашек таблетку.)

КУЗЯ. Соня, ты что это в чашку положила?

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Тебе показалось.

КУЗЯ. Нет, положила. Я видела.

ЛЫТКИНА. Чего ты возникаешь? Не в твою же чашку.

СОНЯ. Это для Царевны. Успокоительное. А то она дерганная вся. На людей кидается.

КУЗЯ. Точно успокоительное?

ЛЫТКИНА. А ты что подумала? Что мы ее отравить решили?

КУЗЯ. Кто вас знает. С этими деньгами все какие-то психованные стали. Я Царевну предупрежу, так и знайте.

(Пауза.)

ЛЫТКИНА. Блин! Придется ей все рассказать. Иначе продаст с потрохами.

СОНЯ. Да, к сожалению... Только тихо!..

(Лыткина шепчет Кузе на ухо. На лице у Кузи сменяются самые разнообразные выражения.)

ЛЫТКИНА. Ну, дошло?..

КУЗЯ. А-а, дошло!.. (Неожиданно смеется.)

СОНЯ. Ты что, Кузя?

КУЗЯ (растерянно). А это не анекдот разве?.. Нет?..

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Какой анекдот? Все очень серьезно.

(Кузя недоверчиво смотрит на подруг.)

КУЗЯ. Нет, девочки, я не верю, что она... Не верю!..

ЛЫТКИНА. Ну и дура. Пожалеешь потом. Ни копейки тебе не достанется.

(Пауза.)

КУЗЯ. А это у вас точно не отравка?

СОНЯ. Да клофелин! Клофелин! Снотворное. На, посмотри!..

(Кузя берет у Сони упаковку и читает название, шевеля губами.)

СОНЯ. Ну, убедилась?..

(Возвращается Царева. Кузя быстро сует упаковку в карман.)

ЦАРЕВА. Пропало куда-то печенье. Наверное, тараканы, уходя, прихватили. (Подсаживается к столу и быстро переставляет чашки по-своему, не замечая, как напряженно следят за этим подруги.) Пейте, девчонки! Остынет же!..

(В гробовой тишине все берут чашки и подносят их к губам.)

Шестая картина

Соня, Лыткина и Кузя спят глубоким сном, уронив головы на стол. Рядом

стоит Царева.)

ЦАРЕВА. А еще говорят, что чай бодрит!.. Лыткина! Подъем!.. (Тормошит ее.)

(Лыткина поднимает голову и, плохо соображая, смотрит на Цареву.)

ЛЫТКИНА. Царевна, ты?.. Что-то я не врубаюсь, это кто же кому снится: ты мне или я тебе?

ЦАРЕВА. Очнись, Лыткина! Что ты несешь? Я и не думала спать.

ЛЫТКИНА. Блин!.. Значит, это мой сон? Тогда подожди. Дай досмотреть... (Снова роняет голову на стол.)

ЦАРЕВА. Кузя! Кузя! (Тормошит ее.) Проснись!..

КУЗЯ. А?.. Что?..

ЦАРЕВА. Вставать пора! Третий час пошел!

КУЗЯ. Мне никуда не надо. Я на пенсии... (Роняет голову на стол.)

ЦАРЕВА. (Тормошит Соню.) Соня!.. Каплан!..

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю!.. Не буди во мне зверя! Я спросонок укусить могу. У меня Ефим ходил весь искусанный... (Роняет голову на стол.)

ЦАРЕВА. Да вы что, девчонки? Выпили тайком, что ли, пока я печенье искала?..

(Кричит.) А ну, поднимайтесь живо! Милиция за нами пришла!..

(Подруги, вздрогнув, просыпаются. У всех обалдевший вид. Они ничего толком не соображают.)

ЦАРЕВА. Вот так-то лучше!..

КУЗЯ. Ой, как голова болит!.. Ничего не помню... Я что, чашки перепутала?.. Или это твоих рук дело, Лыткина?

ЛЫТКИНА. Ну, конечно, блин! Чуть что – сразу Лыткина! А себя я сама, что ли, усыпила? Сонька, признавайся, зараза! Это ты?..

СОНЯ. А меня кто? Уж не ты ли, Кузя? Ты последней клофелин в руках держала!

(Измученная Царева наконец приходит в себя.)

ЦАРЕВА. Клофелин?.. Ах, вот оно что?.. Клофелин!.. Оружие проститу-

ток!.. Славные у меня подружки оказались, нечего сказать! А мне подложить не успели? Или ошибочка вышла? (Смотрит на подруг, сидящих с опущенными головами.) Только зачем же клофелин, девочки? Надо уж было мышьяк или цианистый калий. Чтобы наверняка!.. Денег на отраву не хватило?

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Не произноси ты этого слова – деньги! Меня от него тошнит.

ЦАРЕВА. Это сейчас. Когда вы так прокололись. А до этого?.. (Пауза.) Вот, что я вам скажу, дорогие подружки. Я предполагала, что все вы в глубине души жадины и способны даже банк ограбить. Только вот не думала, что из-за денег вы друг друга уморить готовы. Грустно это, девушки!.. (Подходит к окну и смотрит на улицу.)

(Долгая пауза. Подруги понуро сидят, не смея от стыда поднять глаз.)

КУЗЯ (со слезами). Царевна!.. Прости многодетную мать! И ты, Соня, меня прости! Сама не понимаю, как такое получилось!..

ЦАРЕВА(Не оборачиваясь). Поздно о детях вспомнила! Молись, чтобы они не узнали, какая тварь у них мамаша!

ЛЫТКИНА. Хочешь мне в табло дать, Царевна! Дай! Как близкого человека прошу. А я тебя за это всю оставшуюся жизнь буду добрым словом вспоминать. И ты, Соня, мне в табло дай! Не стесняйся.

СОНЯ. Я бы с удовольствием. Только какое я имею право? Это же моя инициатива была.

ЦАРЕВА. Соня! Ты же из порядочной еврейской семьи!

СОНЯ. А евреи что? Не люди? Им тоже ничто человеческое не чуждо... Девочки, послушайте меня. Я вам как бывший медик скажу. Все дело в психологии. Для нас искушение было-таки слишком велико. Нервы не выдержали. Вот и наступило временное помутнение разума. Это чисто возрастное, Царевна! Поверь!..

(Неожиданно Царева с улыбкой поворачивается к подругам.)

ЦАРЕВА. А вы знаете, я на вас не сержусь. Можете больше тут не каяться.

Вы просто жалкие и смешные старухи. Да, да! Надо мне было, пока вы тут в отключке валялись, сумки унести. Вот бы вы попрыгали! И была бы у вас тогда одна дорога – в дурдом.

ЛЫТКИНА. А у нас тут что? Не дурдом разве? Кашенко отдыхает!

ЦАРЕВА. Ладно, не берите в голову! Как было написано на кольце у царя Соломона, и это пройдет.

СОНЯ. Ты... Ты удивительная баба, Царевна. Второй такой нет... Но ,признайся, не было у тебя мысли оставить нас с носом?

ЦАРЕВА(возмущенно). У меня?.. (Помолчав.) Была. Была, девчонки... Не хочу врать.

СОНЯ(Лыткиной). Ну, вот. А я тебе что говорила? Житье за рубежом без последствий не проходит.

КУЗЯ. Бросьте вы, девочки! Все мы оказались одного поля ягодки.

ЦАРЕВА. Причем кислые. Хотя уж давным-давно перезрели.

(Пауза.)

СОНЯ. Боже мой, до чего мы докатились, девочки! Какой стыд! Я, кажется, даже покраснела впервые за двадцать лет!

КУЗЯ. Ничего, тебе румянец к лицу.

СОНЯ. Правда? Спасибо... Но как же мы теперь будем друг другу в глаза смотреть? Ведь не сможем.

ЦАРЕВА. Сможем. Только при одном условии.

КУЗЯ. При каком?

ЦАРЕВА. Если мы от этих проклятых денег избавимся.

ЛЫТКИНА. То есть, как? Назад в банк отнесем?

ЦАРЕВА. Чтобы нас за сумасшедших приняли? Спасибо!.. Нет, мы их возьмем и сожжем.

КУЗЯ. Сожжем? Деньги?

ЦАРЕВА. Да. Устроим большой костер. И больше никаких соблазнов. И красиво. Будет, что вспомнить.

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Ты смерти моей хочешь? Не знаю, как у вас, а

у меня точно инфаркт будет!

ЛЫТКИНА. И я могу запросто коньки отбросить. Без вариантов.

КУЗЯ. А мне сразу психовоз вызывайте.

ЦАРЕВА. Надо от этих денег избавиться, девчонки. Надо. Сами видите, в кого они нас превратили. В злобных, алчных старух, которые за копейку зайца догонят. А дальше еще хуже будет.

СОНЯ. Но жечь деньги... Это уже шизофрения в последней стадии. Может быть, как-нибудь обойдемся без этого гусарства? Мы же девочки, в конце концов.

(Пауза.)

КУЗЯ. А знаете что? Давайте их на детский дом пожертвуем.

ЛЫТКИНА. Нет, это не выход.

КУЗЯ. Почему?

ЛЫТКИНА. У детей украдут. Сто пудов.

КУЗЯ. Тогда можно деньги на трубу отдать.

ЦАРЕВА. На какую трубу?

КУЗЯ. Ну, на газопровод этот, который хотят в Европу через Балтийское море протянуть. Или вот еще куда можно: на строительство Олимпийского комплекса в Сочи.

ЛЫТКИНА. Вот там-то уж точно разворуют. Оглянуться не успеешь.

ЦАРЕВА. Подождите, девчонки. Я же вам одну важную вещь не сказала. Пока вы тут дрыхли без задних ног, я по радио «Криминальные новости» послушала. Витька Шептунов в прямом эфире выступал. Он, как и следовало ожидать, не поверил, что его банк четыре бабы ограбили. Но не в это дело.

СОНЯ. А в чем?

ЦАРЕВА. Он сумму назвал в десять раз больше, чем мы взяли.

КУЗЯ. Ничего себе! А зачем?

ЦАРЕВА. Чтобы страховку в десять раз больше получить. Это гад решил поживиться за наш счет. Представляете?

ЛЫТКИНА. Совсем обнаглел!

СОНЯ. Да уж! Мы на такой риск пошли, а он даже пальцем не шевельнул. Где справедливость, я вас спрашиваю?

ЦАРЕВА. Так неужели мы ему позволим на нас руки нагреть?

КУЗЯ. Ни за что!

ЛЫТКИНА. Хренушки!

СОНЯ. Этого еще не хватало!

ЦАРЕВА. Но тогда придется всю правду рассказать. И нас по головке не поглядят. Это мягко говоря.

СОНЯ. Ой, я тебя умоляю! Да я, чтобы этого подонка наказать, до конца жизни согласна сидеть в одиночке!

КУЗЯ. Как в одиночке? Мы же договорились в одну камеру попроситься.

ЦАРЕВА. Попросимся. Я думаю, нам пойдет навстречу, учитывая возраст. Короче, если все согласны, давайте прямо сейчас писать чистосердечное признание.

(Царева под одобрительные возгласы садится за стол с бумагой и ручкой. Подруги окружают ее.)

СОНЯ. Ой, я вас умоляю! Прямо картина Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»!

ЦАРЕВА. Побереги юмор, Каплан. В тюрьме пригодится!.. Итак, дороги мои бандитки, с чего начнем?

КУЗЯ. С самого начала.

ЦАРЕВА. А с чего все началось?

СОНЯ. Ты спросила, сколько денег нужно каждой из нас для полного счастья.

ЦАРЕВА. И вы какую-то жалкую чушь стали нести.

ЛЫТКИНА. А что ты нам на это ответила?

(Возникает короткая реминисценция из первого действия.)

ЦАРЕВА. Ну, я вами все ясно, подруги... А если бы появился шанс разбогатеть? По-настоящему. Причем за один день. Неужели отказались бы?

КУЗЯ. Это каким же образом?

ЦАРЕВА. Элементарным. Надо просто...

ЛЫТКИНА. Что? Не тяни!

ЦАРЕВА. Просто ограбить банк.

(Пауза. Подруги ошарашено переглядываются.)

СОНЯ. Ой, и правда. Как это мы, дуры, раньше не догадались?

ЦАРЕВА. Побереги свою иронию, Каплан. Я совершенно серьезно говорю.

ЛЫТКИНА. Кончай прикалываться, Царевна.

ЦАРЕВА. Вы думаете, зачем я вас собрала? Для сентиментальных воспоминаний? Мы этим потом займемся, когда банк возьмем.

(Пауза.)

ЛЫТКИНА. Точняк! Все так и было.

КУЗЯ. Не все. Сумок этих тогда не было.

ЦАРЕВА. Да стояли они! Вы просто внимания не обратили. Я как раз перед вашим приходом вещи в химчистку и прачечную собрала. Не верите, сами посмотрите.

(Подруги переглядываются, бросаются к сумкам и открывают их.)

ЛЫТКИНА. Блин горелый!.. И правда тут вещи!..

СОНЯ. Ничего не понимаю... А как же... Это что, у нас так фантазия разыгралась?

ЦАРЕВА. А сама-то ты как думаешь?

КУЗЯ. Подождите... Значит, мы в банк не пошли?

ЦАРЕВА. И слава богу. Сами знаете, что потом могло бы получиться.

(Пауза.)

СОНЯ. Лично я безумно рада, что ничего этого не было. К тому же, не в самих деньгах счастье.

КУЗЯ. А в чем?

СОНЯ. В их количестве, Кузя!

ЦАРЕВА. Ой, Соня, не скажи. Что у нас сейчас на дворе, девочки?

ЛЫТКИНА. Лето.

ЦАРЕВА. Не лето, Лыткина, а экономический кризис. Были бы мы богатыми, тряслись бы сейчас от страха за свои миллионы. А тем, кому терять нечего, никакой кризис не страшен!

КУЗЯ. Уж это

Проживем как-нибудь. Не сломаемся. Знаете, как про нас Черчилль сказал? «Народ, который зимой есть на улице мороженое, непобедим».

СОНЯ. Я тебя умоляю! Я лучше любого Черчилля скажу. Кто однажды пережил приватизацию, того уже ничем не испугаешь.

ЛЫТКИНА. Хорошо, что мы чистосердечное признание не успели сделать.

КУЗЯ. А теперь нам и признаваться не в чем.

ЦАРЕВНА. Вот именно. В чем надо было, мы друг другу уже признались. Вопрос закрыт.

СОНЯ. Этот закрыт. А сколько еще проблем осталось!

ЦАРЕВА. Так ведь это и есть жизнь. Когда ты скажешь, что у тебя нет проблем, это будет значить, что тебе больше смысла нет жить на этом свете!..

КОНЕЦ.

Иванов Дмитрий Георгиевич. 121165 Москва, ул.Студенческая 44/28, кв.23

Тел. 8(499) 776-12-30

Divanov11@rambler.ru